

В одном измерении

Экран и сцена. — 2000. — янв. (№2). — с. 16

Когда речь идет о юбилее ровесников, кажется, что и ты сам должен перебрать в памяти времена, имена, даты. Потому что, по большому счету, жизнь протекала на протяжении долгих десятилетий в одних координатах — в тех же устремлениях, в тех же мечтах, в тех же буднях, которые так или иначе требовалось преодолевать.

Наверное, именно потому и трудно написать портрет артиста, режиссера, художника, писателя, чья творческая жизнь — вся целиком — уложилась и пока еще, к счастью, продолжает укладываться в то интимное измерение, которое и есть жизнь. Не чья-то далекая — твоя, собственная.

Нет, портрета у меня явно не получится, хотя я знаю творчество Олега Вавилова достаточно подробно — на протяжении всех тех почти трех десятилетий, что он существует на московских подмостках. Но не потому, что не хочется добросовестно перечислять его работы в театре и кино, давая каждой из них краткую характеристику, отмечая успехи, вскользь упоминая о неудачах, которые есть в каждой актерской судьбе. Скорее, потому, что есть для меня нечто, выходящее за рамки актерского портрета, и вот это самое нечто оказывается гораздо более важным, когда я задумываюсь над тем, что же есть судьба Олега Вавилова.

Несколько его работ в разное время в разных театрах стали, на мой взгляд, определенными вехами не только его жизни, мастерства, но и теми самыми "совпадениями координат", которые и кажутся главным, когда размышляешь об артисте.

Олег Вавилов играл в Московском ТЮЗе одну из самых романтических и ярких ролей в одном из самых запомнившихся спектаклей конца 60-х — начала 70-х годов: он был Д.Артаньяном в "Трех мушкетерах", поставленных А.Товстоноговым, имевших настолько оглушительный успех, что спустя годы, фактически по тому же сценарию был снят фильм с Михаилом Боярским в главной роли.

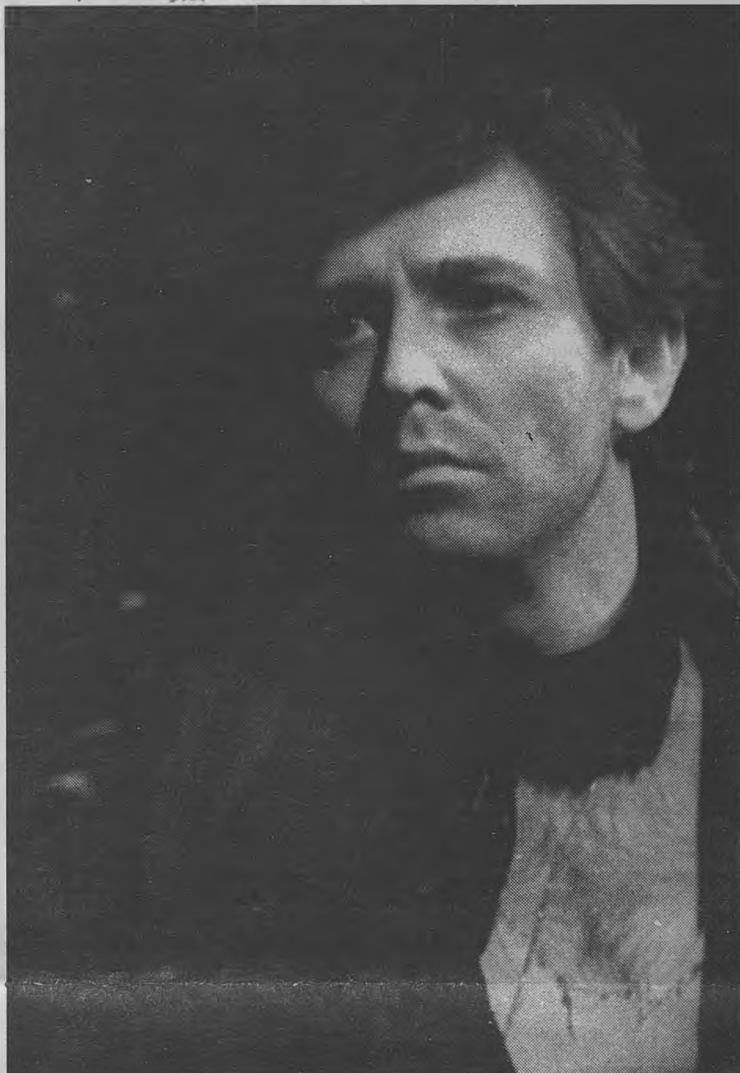
Боярскому-Д.Артаньяну суждено было стать кумиром нескольких поколений, но для тех, кто видел спектакль ТЮЗа, остались свои кумиры — Владимир Качан и Олег Вавилов, игравшие эту роль настолько по-разному, что возникало впечатление поистине разных спектаклей.

Вавилов-Д.Артаньян был красив, романтичен, даже в самых комических ситуациях он покорял своих многочисленных поклонников и поклонниц не тем, как ловко и красиво выпутывался, а ... растерянностью. настолько высоки были устремления это-

го юноши, настолько предан был он невымысленным идеалам Дружбы, Любви, Верности, что, казалось, невозможно смеяться над тем даже, над чем не смеяться было нельзя. Впрочем, это ведь понимается только сегодня, когда вместе с этим Д.Артаньяном мы, его давние зрители, перешли в иное возрастное измерение, а тогда... Тогда мы, в сущности, были с ним на равных — только вот поля для подвига не было.

Я до сей поры вспоминаю Олега Вавилова в роли Д.Артаньяна со смешанным чувством любви, грусти, ностальгии по идеалам (идеалам театра — в том числе). И еще — со странным, наверное, ощущением, что при всей своей популярности этот артист не был востребован настолько, насколько мог и должен был. Эта мысль тем печальнее, чем к большому числу современников приложима. А уходящие годы и десятилетия жизни все больше заставляют об этом задумываться, когда перебираешь в памяти имена — в первую очередь, не тех, кто ушел, потому что здесь ничего уже не исправишь. Тех, кто остался. Ведь это — еще поправимо.

Следующей по подобному совпадению была роль декабриста Михаила Лунина, сыгранная Олегом Вавиловым в спектакле Театра на Малой Бронной "Лунин, или Смерть Жака" (пьеса Э.Радзинского, режиссер А.Дунаев). Это был еще совсем не тот Радзинский, которого мы знаем сегодня как звезду телевизионного экрана, с увлечением и подлинно актерским мастерством повествующего о тайнах истории. Это

был драматург, сформированный эпохой умолчаний и искажений, создававший ту театральную эстетику, по которой мы порой тоскуем теперь, когда она "вышла из употребления". Олег Вавилов играл сосланного в Сибирь Лунина и своего современника — несломленного, не поступивших своими идеалами, последних романтиков времени, заставляющего, по словам Герцена, жить "с платком во рту". Это была ювелирная по своей отточенности работа, потому что голос совести, достоинства, долга (по Радзинскому и, одновременно, по обстоятельствам жизни, по обстоятельству сложившейся действительности) был естественно воспринят и так же естественно передан личностью артиста, продолжавшего вопреки многому оставаться рыцарем.

А потом был Илья Ильич Обломов, сыгранный Олегом Вавиловым в спектакле Марка Розовского (Театр "У Никитских ворот"). Закономерное до боли, до оторопи продолжение той темы, которая неразрывно связывалась с Олегом Вавиловым. Утрата всех иллюзий, верность идеалам, ушедшая в такие глубины души, что, кажется, и не достать оттуда. Но все же — она осталась. Это был на редкость точный (если соотносить с замыслом Гончарова), подлинно трагический Обломов, человек, осознавший, что жизнь — отнюдь не тот беспокойный муравейник, где суетятся деловые люди, а нечто куда более простое и возвышенное. Но если судьба не позволяет существовать именно так, лучше вернуться в заса-

ленный старый халат, пропеть ему гимн и со стороны наблюдать за тем, что проходит мимо, не пытаясь ничего изменить, не стремясь изменить себе.

Эта работа Олега Вавилова обозначила какую-то очень существенную грань и актерского мастерства, и того пути, которым вместе с ним шло его поколение. Сегодня подобные рассуждения явно не в моде, но ведь совсем недавно мы все жили, этими категориями измеряя отпущенный нам срок. Но прошло время, сместились привычные ориентиры, и мы оказались там, где оказались.

Пока еще, к счастью, не в тех заоблачных высях, куда попал один из недавних персонажей Олега Вавилова — Торчалов из спектакля Театра на Малой Бронной "Страсти по Торчалову" (пьеса Н.Воронова, режиссер Л.Дуров). Современный чиновник высокого полета, точно знающий ответы на все вопросы, менее всего озадаченный проблемами духовного свойства, этот человек оказывается за гранью реального — что может быть нелепее, глупее, но и страшнее? И вот здесь-то и происходит невероятное, ни в коей степени не заложенное в пьесу (полагаю, что и в режиссерское решение) — срабатывает тот зрительский коллективный опыт, что на протяжении десятилетий воспринимал Олег Вавилов как истинного героя. Срабатывает, если угодно, стереотип, и актер невинно в том — почти неосознанно возникают за спиной Вавилова-Торчалова те персонажи актера, которые были и остались, может быть, лучшим, что было в нас.

Так возникал в довольно банальной современной пьесе неожиданный, но совершенно закономерный объем — жизнь в ее течении, в волнах которого что-то исчезает, а что-то порой всплывает. И всплывает в тот момент, когда кажется нам безвозвратно утраченным.

Я не упомянула многих ролей Олега Вавилова. Не сказала ничего и о работах последнего сезона — о Дягилеве в спектакле "Нижинский, сумасшедший Божий клоун" (режиссер А.Житикин) и Призраке в спектакле Петера Штайна "Гамлет", хотя обе они по-своему любопытны. Но каждая из двух этих ролей явилась своего рода отражением сегодняшнего состояния театра — вернее, той части этого состояния, о котором не очень хочется размышлять. Тем более — когда речь идет о юбилее.

Но еще об одной роли Олега Вавилова сказать необходимо. В спектакле театра "Сфера" "Смех во мраке" по английской версии романа В.Набокова "Камера обскура" (режиссер Е.Еланская) он сыграл Кречмара, человека, чья жизнь оказалась сломлена страстью и принесена ей в жертву. Но, стоила ли этой жертвы та страсть, эту пробудившая? И стоит ли вообще приносить в жертву плоти оставшиеся крохи "роскоши" — жизни духа, такой необходимой, незаменимой? Эта тема входит в спектакль с Олегом Вавиловым, придающим и этой роли объем, что складывался и сложился в результате жизни.

Его жизни. Нашей жизни. Жизни как она есть.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Олег Вавилов в ролях:
● Лунина в спектакле «Лунин, или Смерть Жака»
● Торчалова в спектакле «Страсти по Торчалову»

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Газета сверстана в компьютерном центре "Экрана и сцены", тел. 229-70-65, e-mail: scrstage@mtu-net.ru.

Отпечатано в типографии ПО "Пресса-1", 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. "Правды", 24. Индекс 50182. Тип. № 10185

Адрес редакции: 103877, Москва, М.Гнезниковский пер., 7. Факс: (095) 229-70-65. Телефон секретариата: 229-70-65.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. "Экран и сцена" выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации

Российской Федерации 25 сентября 1991 года. Регистрационный № 1144

Учредитель: журналистский коллектив. Цена свободная. Подписано в печать 19.01.00 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.